

мира. Воинствующий атеизм, культ науки и образования, безграничная вера в прогресс, в возможность «догнать и перегнать» Запад, опираясь на научно обоснованную социалистическую модель развития, — все это свидетельствует о том, то данная модель имела все те же основания: научная революция в естествознании, признание возможности человека быть «кузнецом своего счастья», культ разума.

В силу отсталости страны и малограмотности населения достижения научной революции в естествознании пришли в Россию достаточно поздно — в XX веке. Крушение царского режима и переход к советскому проекту связаны прежде всего со вступлением страны в Первую мировую войну и падением авторитета монархической власти. Возникла на первый взгляд парадоксальная ситуация, когда население интенсивно образовывалось, приобщалось к ценностям научно-технической цивилизации и культуре рационального мышления, а отношение к правителю оставалось иррациональным, его фигура наделялась сверхъестественными способностями. Русский философ Г. П. Федотов не случайно назвал существующую в этот период систему власти «сталинокра́тия». Но тогда, в промежутке между двумя мировыми войнами, в ряде стран, разоренных войной, с огромным количеством маргиналов и пауперов возникли почитаемые и сакрализованные фигуры диктаторов. В литературе отмечается, что «культы вождей» были важным переходным этапом при переходе от монархии к демократии (Медушевский, 1997), что иррациональное массовое сознание, фрустрированное войной и переходом к новому обществу, нуждалось в таком институте, который бы упорядочивал картину мира и на какое-то время давал устойчивые ориентиры и ценности, опираясь на архетипические модели (русская мессианская идея, арийский миф, возрождение величия Римской империи и др.). После 1950-х годов, когда ценности рационального мышления и научной картины мира (пусть уже устаревшей, классической, ориентированной на установление абсолютных законов и претендующей на роль науки как абсолютной формы познания и объяснения действительности) достаточно хорошо усвоились массовым сознанием, политические системы, ориентированные на сакрализацию лидера, стали анахронизмом.

Так, научная революция в естествознании XVII–XVIII веков, приведшая к созданию индустриальной цивилизации и массового общества, оказала огромное влияние и на политические системы. Произошел переход от религиозной картины мира к научной, которая стала важнейшим фактором промышленной революции и индустриализма и содействовала десакрализации правящих режимов. Ощувив себя «кузнецом своего счастья» и «царем природы», человек Нового времени потребовал и новых форм государственности, которые опирались на демократию. Данная взаимосвязь обусловила интенсивность перехода к новой цивилизации и государствам нового типа.

Литература

Власова О. Как формировалась идеология Америки. URL: <http://morgulis.tv/2010/02/kak-formirovalas-ideologiya-ameriki/> (дата обращения: 05.12.2011).

История США / Г. Н. Севостьянов, Е. Ф. Язьков, Г. П. Куропятник [и др.] : в 4 т. Т. 2. М., 1985. 453 с.

Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М. : РОССПЭН, 1997. 655 с.

Олар А. Культ Разума и культ Верховного Существа во время французской революции : пер. с фр. М. : Сеятель, 1925.

Петров А. В. Мессианство русской культуры. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. 83 с.

Свод законов Российской Империи (СЗРИ). 1906. Т. 1. Ч. 1.

Шанин Т. Идея прогресса : пер. с англ. // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 28–36.

Pollard S. The idea of progress: History and Society. Harmondsworth, 1971.

The scientific revolution in natural science at the XVII–XVIII centuries and the new civilization projects

MAKSIM R. MOSCALENKO

PhD in history, associate professor of Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
e-mail: max.rus.76@mail.ru

This article discusses the problem of the influence of the scientific revolution in natural science in the XVII–XVIII centuries the political and civilizational project in modern times. We consider the ideological and mental changes that have taken place in the minds of both scientific and political elite and the masses as a result of non-religious world view and the gradual initiation to scientific values, the classical world picture, which first appeared in the natural sciences, and then penetrated into the general scientific and daily life. We analyze how these changes affect the appearance and the historical realization of the three major civilizational projects of the New Time — Jacobin, American and Soviet.

Keywords: the scientific revolution, science, scientific progress, religious world view, ideology Jacobins, education, the American project, Soviet socialism, classical science

Грицай Людмила Александровна

кандидат педагогических наук,
ассистент кафедры социальной психологии и социальной работы,
ГОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»
Рязань, Россия
e-mail: usan82@gmail.com

Материнство и наука: к вопросу о родительских установках современных российских женщин-ученых

Анализируются проблемы матерей, занимающихся научной деятельностью. Рассматриваются основные модели материнства, характерные для данной социальной группы. Предлагается преимущественный анализ всех моделей, на основе которого делается вывод о ценностном выборе между материнством и профессиональной деятельностью современных женщин-ученых.

Ключевые слова: материнство, ценностно-ориентированный подход к материнству, ценностный выбор между материнством и профессиональной деятельностью

Исторически сложилось, что сфера научного поиска является «мужским видом» профессиональной деятельности. И эта традиция (за редкими исключениями)

сохранялась в нашей стране вплоть до конца XIX века. Однако в прошлом столетии произошла поистине революционная смена представлений о социальных ролях женщины, и представительницы прекрасного пола стали активно включаться в профессиональную деятельность, в том числе и научную.

Сегодня мы знаем немало примеров успешных российских женщин науки. Среди них — профессора, академики, лауреаты государственных премий. Однако в нашем обществе до сих пор существует устойчивое мнение, согласно которому наука — это традиционно «мужское дело» (как, например, вождение автомобиля), требующее рационализма и хладнокровия — качеств, присущих в большей степени мужчинам, нежели женщинам. А если женщина берется за научную деятельность, то она вынуждена очень многим жертвовать, и в первую очередь своей семейной жизнью.

Безусловно, наука — это своеобразное служение, подобное служению военных, священников, медиков, учителей, людей искусства, поэтому наукой нельзя заниматься лишь «восемь положенных рабочих часов» в день. Наука требует не только обширных знаний, труда, огромного терпения, умения мыслить, анализировать и делать выводы, она требует «всего человека», все силы его ума и души.

Таким образом, научная деятельность для настоящего ученого имеет первостепенное значение среди других интересов и потребностей. Но женщина традиционно призвана и к иному служению — служению своей семье, мужу и детям. И тогда возникает вопрос: возможно ли совместить эти два, столь различных, жизненных пути? Не будет ли одно служение ущемлять другое?

Заметим, что понятие «материнство» является фундаментальной категорией социально-психологического знания, раскрывающего сущность поведения человека в семье и обществе. Социально-психологический подход (Т. А. Гурко, М. О. Ермахина, Р. В. Овчарова, В. А. Рамих) к пониманию данного феномена, сформировавшийся в отечественной науке, базируется на изучении материнства как интегрального психологического образования личности, включающего специфические социальные (родительские) роли и нормативные предписания культуры.

С точки зрения данного подхода, материнство — это не только осознаваемая женщиной потребность в рождении, воспитании детей, предполагающая эмоционально-ценностное отношение к ребенку как объекту любви и заботы (психолого-личностный аспект), но и социальный феномен, обусловленный ценностью материнства в данной культуре (психолого-социальный аспект).

Именно на эту психолого-социальную обусловленность материнства указывает целый ряд исследователей (Э. Бадинтер, Л. А. Дубисская, И. Кон, М. Мид, В. С. Мухина, Т. В. Рябова, Н. Л. Пушкарева, Т. В. Скрицкая, С. Г. Фатыхова). Так, Т. В. Скрицкая отмечает, что «общественные ценности и нормы оказывают определяющее влияние на проявления материнского отношения» (Скрицкая, 2005). Известный психолог В. С. Мухина также рассматривает материнство в качестве культурного феномена, «смысл и значение которого может меняться вместе с культурой» (Чибисова, 2003: 4).

Следовательно, значение ценности материнства в системе жизненных ориентаций россиянок (в том числе и представительниц научной сферы) в определенной степени зависит от отношения всего общества (уважительного или пренебрежительного) к ценности материнского труда.

К сожалению, в современной России веками сложившаяся традиция ценностного отношения к материнству утрачивается. Следствием этой утраты стал демо-

графический кризис — печальное явление, наблюдаемое в нашей стране в конце XX — начале XXI века. Так, согласно исследованиям отечественных социологов, малодетность сегодня становится жизненной нормой: половина российских семей воспитывает только одного ребенка, при этом родители (в том числе и матери) не стремятся к рождению последующих детей, ссылаясь на недостаточность средств, времени и сил (Всерос. перепись населения, 2002, 2010).

На сегодняшний день не существует точных статистических данных подтверждающих, что замужние женщины, занятые в сфере науки, имеют меньшее количество детей, чем их соотечественницы, работающие в других сферах. Однако в публицистической литературе высказываются предположения, не лишённые здравого смысла, о том, что вероятность бездетности (по разным причинам: от сознательного отказа от детей до вынужденной безбрачности) женщин с учеными степенями вдвое выше, чем у домохозяек, целиком сосредоточившихся на семье (Феминова, Пронин, 2008). Также широко известно, что более образованные женщины рожают первенца в среднем в 29 лет, то есть на 5 лет позже, чем женщины с менее высокой квалификацией (Феминова, Пронин, 2008).

И это неудивительно, так как молодая девушка, решившая после окончания университета продолжить обучение в аспирантуре, невольно оказывается перед ценностным выбором: создание семьи или научная работа. Таким образом, в «брачный» возраст (период от 22 до 30 лет) она должна трудиться над подготовкой и защитой кандидатской диссертации. Получив же искомую степень, девушка многое теряет «на ярмарке невест», так как далеко не каждый мужчина готов выбрать себе жену с более высоким образовательным статусом, чем у него. И если счастливое замужество состоялось, такой молодой женщине в течение нескольких десятилетий придется много времени и сил посвящать семье, рождению и воспитанию детей.

Следовательно, необходимость сочетания материнских, супружеских и профессиональных ролей для современной женщины-ученого становится настоящей проблемой, так как накладывает на нее двойной и даже тройной груз ответственности. Именно на этот факт указывали опрашиваемые нами респонденты — женщины, состоявшиеся ученые или соискатели ученой степени.

Эмпирическое исследование проводилось нами в течение 2008–2011 годов среди женщин-ученых в возрасте от 25 до 45 лет. Всего в исследовании участвовало 35 респондентов, из них 10 человек (28,6 %) девушек, не состоящих в браке, в возрасте от 25 до 30 лет; 5 замужних женщин (14,3 %) этого же возрастного периода, не имеющих детей; 10 молодых матерей (28,6 %) в возрасте от 25 до 30 лет, воспитывающих детей до трех лет; 5 женщин (14,3 %) в возрасте от 30 до 45 лет, имеющих детей; а также отдельно нами рассматривалась группа незамужних бездетных женщин в возрасте от 30 до 45 лет (5 человек — 14,3 %). В данном опросе мы сознательно выбрали женщин разного семейного положения и разного возраста для получения наиболее оптимального результата. Основными методами исследования стали интервью и наблюдение, так как именно они позволили нам рассмотреть ценностные приоритеты респондентов.

Результаты исследования позволили нам предположить, что на сегодняшний день существует четыре основных моделей ценностного выбора женщины-ученой между материнством и профессиональной деятельностью. Эти модели были обозначены нами как конфронтация ценностей «научной деятельности» и «материнства», с перевесом в сторону материнства; конфронтация ценностей «научной деятельности» и «материнства», с перевесом в сторону профессиональной деятельности; компромисс

между ценностями «научной деятельности» и «материнства»; сознательный отказ от научной деятельности ради материнства.

Заметим также, что само понятие научной деятельности наши респонденты (а вслед за ними мы) понимали достаточно широко: не только как возможность заниматься научным поиском, но и повышать свой образовательный и личный статус с помощью защиты диссертаций, продвигаться по карьерной лестнице преподавателя высшего учебного заведения (от ассистента до профессора), достигая материальной и профессиональной независимости.

Первая модель обозначена нами как конфронтация ценностей «научной деятельности» и «материнства», с перевесом в сторону материнства. Интересно, что данную модель в качестве приемлемой для себя выбирает наибольшее число опрошенных нами женщин, а именно семнадцать человек или 48,5 %. Причем среди замужних женщин после 30 лет эту модель выбрали все респонденты.

И если незамужние молодые девушки (шестеро из которых выказывались за значимость для них этой позиции) объясняли ее желанием создать семью с детьми, без которой они чувствуют себя «одинокими» и «никому не нужными», то замужние бездетные женщины (двое из пяти опрошенных) этого же возраста также указывали на свое стремление родить ребенка, главным препятствием к которому выступает именно подготовка диссертации.

Молодые же матери, находящиеся в декретном отпуске по уходу за малолетними детьми, были не столь единодушны (только четверо из них выбрали подобную позицию). И даже эти четыре женщины, полагая, что у них будут еще дети, говорили о том, что воспитание ребенка отнимает у них очень много времени и сил, и они чувствуют, что теряют свои профессиональные знания и навыки.

Вторая модель связана с конфронтацией ценностей «научной деятельности» и «материнства», с перевесом в сторону профессиональной деятельности. Данная позиция была выявлена нами всего у трех замужних женщин в возрасте от 25 до 30 лет (8,8 %). Двое из них детей пока не имеют, и откладывают их рождение из-за стремления повысить свой профессиональный статус. Другая молодая мама была вынуждена родить ребенка, так как муж настаивал на его появлении на свет, но она рассматривает свой «вынужденный декрет» как непомерную обузу, которая в значительной степени тормозит ее работу над кандидатской диссертацией. Второго ребенка она иметь не хочет категорически, и всеми силами стремится «отдать» дочь в детский сад, чтобы, наконец, реализовать себя в профессии.

Третья модель ценностного выбора между материнством и профессиональной деятельностью основывается на компромиссе между первым и вторым. Подобной позиции придерживаются восемь молодых женщин в возрасте от 25 до 30 лет (22,8%), среди которых четверо незамужних, одна замужем, но бездетна, и трое являются замужними молодыми мамами.

Интересно, что молодые мамы, для которых характерна данная позиция, отмечают, что, находясь в декретном отпуске, они могут больше время посвящать сугубо научной деятельности (изучению каких-либо частных вопросов, написанию статей), чем это было тогда, когда они работали в университете (так как в этот период очень много временных и трудовых ресурсов уходило на подготовку к лекционным и семинарским занятиям). Безусловно, по их мнению, ребенок требует к себе гораздо большего внимания, чем научная работа, но, тем не менее, и ею им удается заниматься в ночные часы, жертвуя минимальным личным досугом.

Заметим также, что двое из этих женщин работали над кандидатскими диссертациями по психологическому и педагогическому направлению. Они также добавляли, что воспитание ребенка важно для них и с профессиональной точки зрения, так как дает возможность «проверить» многие теоретические научные положения на практике.

Четвертая модель — сознательный отказ от научной деятельности ради материнства — была определена нами у двух молодых матерей. Обе подтвердили, что намерены отказаться от работы над кандидатскими диссертациями, так как не могут найти время и силы на одновременное написание научного труда и воспитание детей. Одна из них, родив уже второго ребенка, продолжает формально считаться аспиранткой, другая по совету своего научного руководителя перед рождением первенца отчислилась из аспирантуры.

Добавим, что согласно нашему исследованию, именно защита кандидатской диссертации до рождения первого ребенка становится для многих женщин возможностью «остаться в науке». Более того, молодые мамы — кандидаты наук гораздо более позитивно оценивают свое материнство и перспективы профессионального роста, чем их коллеги, вынужденные в декретном отпуске еще работать над столь сложным и трудоемким научным трудом.

Также заметим, что незамужние молодые девушки, молодые женщины, находящиеся замужем, но еще не имеющие детей, и матери в возрасте от 25 до 30 лет за редким исключением высказывали желание иметь двоих детей (двое человек даже говорили о желании иметь троих детей), несмотря на все те трудности, которые они могут испытать в связи с их рождением.

Отчасти мы можем предположить, что существует еще одна модель ценностного выбора между материнством и профессиональной деятельностью для женщин-ученых, предполагающая сознательный отказ от материнства ради научной деятельности.

Однако, деликатно изучая ценностные ориентации незамужних бездетных женщин в возрасте от 30 до 45 лет, мы не выявили у них стремления к подобной модели поведения. Скорее их бездетность может быть названа «вынужденной». Эти женщины никогда не были замужем, и, видимо, поэтому им не пришлось испытать радость материнства. Среди них двое имеют ученую степень доктора наук (отметим, что никто больше из наших респондентов докторской степени не имеет), четверо занимают ответственные должности в университете. К своей профессиональной деятельности эти женщины относятся с большой самоотдачей, проявляя всемерную заботу о студентах, которые отчасти и заменяют им их несуществующих детей.

Анализируя результаты нашего исследования, мы можем подтвердить тот факт, что противоречие между материнством и профессиональными обязанностями осознается женщинами-учеными как значимая проблема. Однако большинство из них готовы пожертвовать своей научной деятельностью и возможностью карьерного роста ради рождения и воспитания детей. Более того, если молодые женщины (уже имеющие детей или только готовящиеся стать матерями) стремятся к совмещению родительских и профессиональных ролей, считая, что они смогут одновременно достичь успеха в работе и состояться как жены и матери, то женщины в возрасте от 30 лет до 45 лет больше внимания уделяют своей семье. Все это свидетельствует, скорее, о том, что совмещение тех и иных позиций требует от женщины колоссального напряжения физических и моральных сил, которое с возрастом дается все труднее.

Отчасти поэтому в современной российской науке при большом количестве женщин ключевые руководящие должности занимают в основном мужчины (Ефлова,

Фурсова, 2007). И если замужняя женщина с несколькими детьми защищает докторскую диссертацию, это говорит не только о ее дарованиях, высоких умственных способностях, но и об огромном трудолюбии, терпении и упорстве.

Однако, на наш взгляд, данное обстоятельство, свидетельствующее об изначальном «неравенстве» замужних женщин, имеющих детей, и их коллег-мужчин в сфере науки, не может быть признано сугубо негативным, потому как, обретая себя в семье и жертвуя собой, женщина приобретает огромные «внутренние богатства», которые для нее, возможно, гораздо ценнее любых научных достижений. Ведь величие материнства и заключается в незаметном каждодневном «по-двиге», движении к воплощению в жизни особого дара, дара любви и сострадания, добровольного и радостного служения, преобразующего личность. Именно в такой деятельности человек и обретает гармонию с миром и самим собой.

Литература

Всероссийская перепись населения 2002 года : [сайт]. URL: www.perepis2002.ru/ (дата обращения: 05.12.2011).

Всероссийская перепись населения 2010 года : [сайт]. URL: <http://www.perepis-2010.ru/> (дата обращения: 05.12.2011).

Ефлова М. Ю., Фурсова В. В. Женщина в образовании и науке : материалы Международной научно-практической интернет-конференции «Профессиональная карьера женщин и вызовы времени», 1–31 мая 2007 г. / Орловский государственный технический университет. URL: www.ostu.ru/prometea/article/eflova_fursova/eflova_fursova.doc (дата обращения: 05.12.2011).

Скрицкая Т. В. Материнство как социально обусловленный феномен // Вестник Кемеровского государственного университета. 2005. № 2 (22). URL: <http://hpsy.ru/public/x2472.htm> (дата обращения: 05.12.2011).

Феминова И., Пронин А. Положение женщин в современной России: общая характеристика. Дата публ. 13.03.2008. URL: <http://www.proza.ru/2008/03/13/355> (дата обращения: 05.12.2011).

Чибисова М. Ю. Феномен материнства и его отражение в самосознании современной молодой женщины : автореф. ... канд. психол. наук. М., 2003.

Motherhood and science: the question of parental installations contemporary Russian women scientists

LYUDMILA ALEKSANDROVNA GRITSAY

candidate of Pedagogical science, assistant of the cathedra of social psychology and social work

Ryazan State University named after S. Esenin

Ph.D., Assistant Professor of Social Psychology and Social Work,

GOU VPO "Ryazan State University named after S. Esenina"

e-mail: usan82@gmail.com

The article deals with the problems of mothers engaged in scientific activities. The basic models of motherhood that are characteristic for a given social group are considered. The priority analysis of all models is carried out and it allows concluding on the value choices between motherhood and professional work of contemporary women of science.

Keywords: motherhood, value-oriented approach to motherhood, value choices between motherhood and professional work

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

*АЩЕУЛОВА НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА,
ЛОМОВИЦКАЯ ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА*

Двадцать лет Международной школе социологии науки и техники

Двадцать один год назад на Международной конференции по проблемам деятельности ученого и научных коллективов, состоявшейся в июне 1990 года еще в Ленинграде, профессор Амстердамского университета С. Блюме предложил организовать в СССР школу по социологии науки. В работе школы должны были участвовать в качестве преподавателей европейские и американские социологи и науковеды, а в роли учащихся — студенты, аспиранты и молодые сотрудники вузов и академических институтов Ленинграда. Но в ситуации подготовки задуманного зарубежные науковеды не откликнулись, не поддержали свое же предложение. Тогда небольшая группа социологов — научных сотрудников и преподавателей — под руководством профессора С. А. Кугеля реализовала планы по созданию летней школы социологии науки.

Летом 1991 года, 20 лет назад, состоялся трехдневный семинар, ставший провозвестником школы. Конечно, концепция Школы еще только выстраивалась, но и в содержательном, и в формально-организационном аспектах Школа начала функционировать. От английского языка (как основного рабочего) отказались — немногие в тот момент его знали, количество зарубежных преподавателей и слушателей было невелико — профессор П. Тамаш, директор Института социологии Академии наук Венгрии, профессор Ю. Райкович из Белградского университета. Оба они стали профессорами Международной школы социологии науки и техники на последующие 20 лет. В это же время в работе Школы приняли участие в качестве слушателей молодые социологи и историки — А. Н. Родный, О. Р. Шувалова, М. Ю. Лысова и многие другие. Но названные имена особенно важны в истории Школы, поскольку в последующем слушатели вышли за пределы своего первоначального статуса, став преподавателями.

Начиная с 1992 года, Школа разворачивает свою деятельность в полном объеме: две сессии (летняя и осенняя), издание материалов сессий («Проблемы деятельности ученого и научных коллективов»), эмпирические исследования, проводимые